

ДЕРЕВНЯ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

Елена Арсентьевна ЛЫКОВА, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ДВГУ, специалист в области истории Дальнего Востока. Автор 40 публикаций по проблемам дальневосточной деревни 20-х годов.

Людмила Ивановна ПРОСКУРИНА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, занимается историей Дальнего Востока. Автор многочисленных публикаций по проблемам дальневосточной деревни в первые десятилетия XX в.

Одно из центральных мест в общественно-экономической жизни России занимает аграрный вопрос. В нем сфокусированы все современные проблемы: экономические, социальные, политические, культурные, нравственные и др. В поисках решения аграрного вопроса в России и отдельных ее регионах на современном этапе известную помощь может оказать обобщение исторического опыта развития деревни в 20-е годы. Интерес к изучению истории деревни усиливается аграрным характером России 20-х годов, преобладанием крестьянства в составе населения, что обусловило многие особенности социально-экономического и политического развития страны, в том числе российского Дальнего Востока.

Своеобразие аграрного развития дальневосточного региона определяется прежде всего довольно поздней колонизацией края, прошедшей до 1917 г. ряд этапов, каждый из которых создавал свою социальную категорию сельского населения — старожилы, казаки, новоселы, переселенцы и др.; отсутствием здесь крепостного права, помещичьего землевладения и наличием в связи с этим возможностей для формирования особого зажиточного типа крестьянских хозяйств, по масштабам производства, товарности, использованию машинной техники и наемного труда значительно отличавшихся от крестьянских хозяйств европейской части страны¹.

Первые советы наделяли землей безземельных и малоземельных крестьян за счет конфискации церковных, монастырских, а также бывших кабинетских, казенных владений. Крупные зажиточные хозяйства в регионе в основном не подвергались экспроприации. Процесс «осереднячивания» дальневосточной деревни не был выражен столь ярко, как в центральных районах страны. Местное зажиточное крестьянство улучшений от революции не видело и социализмом не бредило. Старожилы и казаки продолжали сохранять в своих руках значительные площади земли.

К 1922 г. сельское хозяйство Дальнего Востока в полной мере испытало на себе все отрицательное воздействие затянувшихся военных действий, неустойчивости власти, неопределенности законодательства, распада традиционных экономических связей и рынков. Результатом всех этих неблагоприятных факторов стало общее падение уровня сельскохозяйственного производства. К моменту установления советской власти сельскохозяйственное производство сократилось по сравнению и с 1917 г. — годом наивысшего экономического развития дальневосточной деревни, и с довоенным 1913 г.

Полевая площадь посевов в 1922 г. составила 59% к уровню 1917 г., сократившись с 1073,6 тыс. дес. до 633,8 тыс. дес.² Вследствие этого валовой сбор основных продовольственных и кормовых культур в 1922 г. был значительно ниже уровня 1917 г. Сворачивание посевов стояло в прямой зависимости от разрушения рыночных связей крестьянских хозяйств, ввиду чего наиболее активно оно шло в товаропроизводящих районах Амурской области, экономика которой исторически формировалась как сельскохозяйственная база дальневосточного региона с крупным товарным зерновым хозяйством. О постепенном снижении уровня сельскохозяйственного производства до потребительского минимума крестьянского хозяйства свидетельствует и то, что сокращению подверглись прежде всего площади рыночных продуктов: пшеницы и овса, например в Амурской области на 52 и 49,2% соответственно³. Трехкратное увеличение удельного веса залежи к 1923 г. показывает, что затормозился начавшийся перед войной переход от экстенсивной залежной к более продуктивной системе полеводства.

Значительно сократилось и поголовье скота, что сказалось не только на продуктивности животноводства, но и на обеспеченности крестьянских хозяйств тягловой силой. Количество лошадей уменьшилось почти на 33% (с 596,5 тыс. голов в 1917 г. до 399,9 тыс. в 1922 г.), коров — на 39% (с 967,5 тыс. в 1917 г. до 591,6 тыс. голов в 1922 г.)⁴. И земледелие, и животноводство понесли наибольший урон в районах товарного производства, в первом случае — это Амурская губерния, во втором — Забайкалье.

Сокращение сельскохозяйственного производства не в последнюю очередь было связано с кризисом основных средств производства, обеспеченность которыми существенно снизилась. Дальний Восток как район поздней колонизации до революции 1917 г. являлся обширным рынком сбыта сельскохозяйственных машин и орудий. Инвентарь был преимущественно американский. Перед первой мировой войной сюда ввозилось ежегодно сельхозинвентаря на сумму около 6 млн. руб. Это создавало высокую насыщенность машинами, орудиями одной десятины посева. До войны она составила 20 руб., в то время как в Европейской России — 4,5 руб. Однако в 1923 г. обеспеченность сельскохозяйственной техникой одной десятины посева сократилась до 8,7 руб.⁵

Износ машин и инвентаря ухудшил обработку земли. Почвы, используемые годами без правильного севооборота и удобрений, истощились, в результате произошло падение урожайности. Так, в 1921 г. она сократилась по краю на 30% и более, а в Амурской области из-за засухи — на 50—80%⁶. В результате сокращения посевных площадей и снижения урожайности зерновых культур к 1923 г. увеличился хлебный дефицит. Даже в Амурской области, которая до 1917 г. полностью самообеспечивалась зерном, в 1923 г. общий хлебный дефицит превысил 8 млн. пудов.

За годы гражданской войны и интервенции произошло измельчение крестьянского хозяйства в результате его дробления и падения мощности. В среднем сокращение производственных мощностей дальневосточного крестьянского хозяйства к 1923 г. составило 40% от уровня 1917 г.

Все эти факторы вызвали снижение товарности крестьянских хозяйств, многие из них стали маломощными, что не могло не сказаться на их способности к восстановлению. В то же время в силу региональной специфики дальневосточное крестьянство не знало политики военного коммунизма, здесь практически не взималась продразверстка, поэтому не сказалось ее отрицательное влияние на уровне сельскохозяйственного производства, как в центре страны.

Ликвидация помещичьих и крупных кулацких хозяйств в европейской части России и связанные с этим массовые переделы земель имели некоторое

влияние на снижение товарности производства. Но на Дальнем Востоке частное землевладение было незначительным, а массовые переделы всех наделных земель не производились вплоть до 1925 г. И хотя восстановительный период начался на Дальнем Востоке на два года позже, чем в целом по стране, это время не было потеряно. Правительством ДВР предпринимались определенные усилия по восстановлению сельского хозяйства (крестьянам выдавались семена в ссуду, продавался сельхозинвентарь, началось проведение землеустройства и т.д.).

Учитывая приведенные факторы, отличавшие Дальний Восток от других районов страны и смягчавшие в определенной степени последствия военной разрухи, можно сказать, что сельское хозяйство подошло ко времени установления советской власти в регионе менее ослабленным, чем в европейской части страны.

Меняющиеся социально-экономические условия и последствия длительного военного времени по-разному сказались на различных группах крестьянства. За годы гражданской войны произошли значительные передвижки в распределении хозяйств по группам. Повсеместно и очень резко сократились многопосевные группы (например, в Амурской области более, чем в 4 раза) и увеличились группы со средним посевом до 8 дес. Средние группы приняли в себя основную массу временно сокративших производство крупных крестьянских хозяйств.

Значительных изменений в группе беспосевных и малопосевных хозяйств не произошло. Отмечается увеличение с 10,1% в 1917 г. до 11,1% в 1923 г. беспосевных хозяйств. Больше, чем в среднем по Дальнему Востоку, увеличение беспосевных хозяйств в Приморской области в годы гражданской войны было связано с возросшим в этот период потоком корейских иммигрантов в Южное Приморье; 25,5% корейских хозяйств оставались беспосевными до середины 20-х годов.

Необходимо отметить, что наибольшую способность к восстановлению производства сохранили именно крупные хозяйства. Основные капиталы крупнопосевных хозяйств, включавшие в себя постройки, инвентарь, в стоимостном выражении в 6—10 раз превосходили основные капиталы мелкопосевных и в 2—4 раза — среднепосевных хозяйств.

Таким образом, к началу восстановительного периода дальневосточная деревня в экономическом отношении представляла собой пеструю картину. Сложилась такая ситуация, когда упадок сельского хозяйства в результате длительных военных и экономических потрясений коснулся прежде всего маломощных групп крестьянства, утративших возможность быстро встать на ноги.

В то же время в дальневосточной деревне сохранилась многочисленная прослойка крупных хозяйств (скрытых и явных), имевшая хорошие перспективы для восстановления и расширения сельскохозяйственного производства, сосредоточившая в своих руках значительные основные капиталы. Состояние же середняцкой части дальневосточного крестьянства требовало определенной поддержки со стороны государства, обещая в этом случае скорую отдачу. Итак, к 1923 г. на Дальнем Востоке имелся ряд условий для успешного восстановления крестьянского хозяйства: значительные резервы дореволюционных крупнопосевщиков, немалый опыт эффективного хозяйствования в сложных климатических условиях у всех слоев населения деревни, практически полностью восстановившийся баланс рабочей силы (в 1923 г. только 4% взрослых мужчин отсутствовало в сельском хозяйстве, в то время как в самый продуктивный 1917 г. отсутствовало 50% мужчин). Кроме того, средний посев на одно хозяйство, несмотря на значительное сокращение, продолжал оставаться

достаточно высоким: Амурская губерния — 6,6 дес., Приморье — 3,1, Забайкалье — 3,2 дес.⁷

Одной из важнейших сторон жизни деревни становится развитие взаимоотношений новой государственно-политической системы и крестьянства, составлявшего более 70% населения Дальнего Востока. Многолетний разорительный для деревни период боевых действий, затянувшийся на Дальнем Востоке до осени 1922 г., присутствие непопулярных в крестьянской среде интервенционистских войск, общая экономическая неустойчивость и неопределенность будущего заставляли крестьянство среди многочисленных сил, действовавших на политической арене, искать и примыкать к тем из них, которые были способны остановить хаос и навести элементарный порядок в функционировании основных общественных систем, обеспечить и защитить интересы крестьян. Из-за целого ряда причин таковыми оказались силы, выступавшие за советизацию края: на сторону коммунистов крестьян привлекали последовательная борьба последних против интервентов (весной 1923 г. партийные работники подчеркивали, что после «японцев есть известная близость населения к советской власти, основанная на национальном чувстве»⁸, выбор советской России, так как основная масса населения Дальнего Востока в то время не мыслила себя отдельно от исторического центра, четкость и ясность программных задач коммунистов, усваивавшихся массами сначала в виде лозунгов.

В конце 1922 г. важнейшей задачей партийно-государственных органов становится формирование в деревне социальной базы, на которую могла бы опереться новая власть. Несмотря на всю очевидную разноликость дальневосточной деревни, властным структурам в начале 20-х годов было ясно, что решающее «классовое» расслоение крестьян было менее всего выражено. В связи с этим ставилась задача расслоения деревни и выделения слоя крестьянства, могущего стать опорой советской власти⁹.

На протяжении 20-х годов властные органы пытались определить критерии социальных групп дальневосточного крестьянства, но к единому мнению так и не пришли. Зачастую признаки зажиточных хозяйств местные власти подменяли субъективными политическими оценками. Попытка внести в крестьянскую среду четкое размежевание по тем или иным признакам наталкивалась на сопротивление крестьян, которые предпочитали руководствоваться в своей жизни здравым смыслом, а не какими бы то ни было политическими соображениями, продолжали жить традиционными представлениями, связями.

Руководствуясь решениями центральных органов власти о переходе к новой экономической политике, местные начальствующие структуры приступили к восстановлению сельского хозяйства. Осуществляя новую экономическую политику, правительство Дальневосточной республики оказывало некоторую помощь крестьянству. Но концентрация основных усилий и средств на решении военно-политических задач в тот период не позволила добиться существенных результатов на хозяйственном фронте. По этим причинам, а также по соображениям тактического характера приходилось мириться с большим, чем в центре страны, допущением частного капитала, идти на уступки мелкобуржуазным слоям деревни. В частности, еще в 1920 г., т.е. раньше, чем в РСФСР, в дальневосточной деревне стал взиматься натуральный подоходный налог, допускалась аренда земли и наем рабочей силы, не производилось массовое перераспределение земли в пользу безземельных и малоземельных хозяйств.

В специфических условиях дальневосточной деревни введение продналога и всей системы налогов, связанных с новой экономической политикой, должно

было осуществляться осторожно. В июне 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) отметило, что введение продовольственного налога в ряде освобожденных районов вызвало резкое недовольство крестьян на Амуре и создало опасность «отхода от партии широких крестьянских масс»¹⁰.

Однако нэп вводился в деревне на Дальнем Востоке без учета ее специфики, традиций, уровня развития, вводился директивами сверху как система продовольственных и денежных налогов. При введении продналога учитывалась только экономическая мощь крестьянского хозяйства с целью взимания налогов в максимальном размере. Уже в начале 1923 г. для изъятия продналога партийно-советские органы Дальнего Востока были вынуждены прибегнуть к жестким методам, что вызвало недовольство крестьян. Введенный летом 1923 г. на Дальнем Востоке единый сельхозналог, в основу которого был положен, как утверждали партийно-советские органы, «классовый принцип», основной тяжестью лег на зажиточные крестьянские хозяйства. Единый сельхозналог становился тормозом развития сельскохозяйственного производства, снижался уровень жизни крестьянского хозяйства.

В этих условиях формировалось противостояние «государство — крестьянство». Зачастую интересы крестьянства воспринимались управленческим аппаратом как противоречащие интересам государства и социалистического строительства¹¹. У крестьян создавалось впечатление, что советская власть совершенно не считается с крестьянами. Недовольство налоговой политикой распространилось среди всех категорий крестьянства, не только кулаки, но и середняки и даже часть бедняков были враждебно настроены против власти.

Трения между крестьянством и государством порождались классово ориентированной аграрной политикой советской власти. В стремлении укрепить свою социальную опору в деревне она поддерживала экономически не мощные бедняцко-средняцкие хозяйства и сдерживала развитие крупных крестьянских хозяйств.

¹ Стасюкевич С.М. Социально-экономическое развитие амурской доколхозной деревни (1922—1929 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С.4.

² Брянский А.М. Сельское хозяйство ДВО в годы революции 1917—1923 гг. Хабаровск, 1925. С.24.

³ Два года Советской власти в Амурской губернии. Благовещенск, 1925. С.37.

⁴ Статистический вестник Дальнего Востока. Кн.1. Чита, 1924. С.159.

⁵ РГИА ДВ. Ф.Р.2422. Оп.1. Д.840. Л.3; Мишкин А.С. Крестьянские бюджеты ДВО в 1922/23 гг. Хабаровск, 1925. С.9.

⁶ Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Хабаровск, 1925. С.29.

⁷ Тибекин А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района. Хабаровск, 1979. С.45.

⁸ РЦХИДНИ. Ф.372. Оп.1. Д.690. Л.4.

⁹ Стасюкевич С.М. Социально-экономическое развитие... С.16.

¹⁰ Саначев И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке. 1922—1925. Владивосток, 1993. С.57.

¹¹ Стасюкевич С.М. Социально-экономическое развитие... С.17.

SUMMARY: This article written by Candidates of Historical Science Elena Lykova and Liudmila Proskurina «Russian Far Eastern Village in the Early 20s» gives an analysis of the situation in the farms of the region. It describes, in particular, the process of reducing farms and their production, and also the negative influence of New Economic Policy on them. As a result not only «kulaks», but also «middle peasants» and even many poor ones disapproved of the Soviet power.